

В.М. Рынков

**САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА VS ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ КВАРТАЛОВ:
ШТРИХИ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КОМИТЕТА
ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ**

© Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.
E-mail: vadvet@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3284-549X>

АННОТАЦИЯ

Политический режим Комуча исследователи определяют как демократию либо диктатуру, прикрывшуюся демократической риторикой. Для углубленного понимания проблемы рассмотрен частный сюжет – конфликт Центрального совета кварталов г. Самары и Самарской городской думы. В историографии существует разноречивая в подаче событийной канвы данного конфликта и его интерпретаций.

В Самаре квартальные организации возникли летом 1917 г., весной 1918 г. вошли в конфликт с советской властью и образовали центральный совет. После антибольшевистского переворота Центральный совет кварталов получил от городской думы субсидию и право временно исполнять отдельные ее функции, но претендовал на участие в принятии решений городской думы по более широкому кругу вопросов, активно взаимодействовал с правительственными и военными учреждениями. В конце июля – начале августа 1918 г. городская дума ограничила вмешательство квартальных организаций в свою работу. Комуч противодействовал этому, но не очень решительно, затем поддержал действия городских органов. Лишившись самовольно занятых помещений и субсидий, получив на городских выборах 0,5 % голосов избирателей, Центральный совет кварталов во второй половине августа сошел с политической арены. Общественность и правительство относили Центральный совет кварталов к демократическим организациям, оценивая его позицию, но не правомерность деятельности и легитимность происхождения.

Автор делает вывод, что Комуч не выработал четкой позиции в отношении места общественных организаций в структуре власти и являлся гибридным политическим режимом (диктабланда), функционирующим без внятных нормативных оснований.

Ключевые слова: Гражданская война, Комуч, политический режим, городское самоуправление, власть и общество.

Цитирование. Рынков В.М. Самарская городская дума vs Центральный совет кварталов: штрихи к характеристике политического режима Комитета членов Учредительного собрания // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49
UDC 94(47) «1918»

Submitted: 11/VIII/2018
Accepted: 20/IX/2018

V.M. Rynkov

SAMARA TOWN COUNCIL VS CENTRAL COUNCIL OF RESIDENTIAL QUARTERS: THE FINISHING TOUCHES TO THE FEATURE OF POLITICAL REGIME OF CONSTITUENT ASSEMBLY COMMITTEE MEMBER

© Rynkov Vadim Markovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; associate professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.
E-mail: vadvet@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3284-549X>

ABSTRACT

Researchers define the political regime of Komuch as a democracy or a dictatorship that used democratic rhetoric as cover. To have a deep understanding of the problem the article considers a particular topic – a conflict of Samara Central council of residential quarters and Samara Town Council. In historiography, there are some different variants of the conflict events' description and its interpretation.

In summer 1917, Samara residential quarters emerged, and in spring 1918 they came into conflict with Soviet regime. Samara Central council was organized. After anti-Bolshevist take-over, the Central council of residential quarters got a subsidy from Samara Town Council and the rights to temporarily perform some of its functions, but claimed to participate in making decisions on wider range of problems, actively interacted with government and military institutions. Towards the end of July – beginning of August 1918, Samara Town Council limited interference of quarters organizations in its work. Komuch flabbily resisted, then supported the Town Council. The Central council of residential quarters lost the subsidy and self-occupied premises, polled 0,5 votes during city elections, and left the political arena. Society and government referred the Central council of residential quarters to the democratic organizations, evaluating its position, but not lawfulness of its work and legitimacy of its origin.

The author comes to the conclusion that Komuch was not able to develop a clear position concerning the place of voluntary organizations in the government structure, was a hybrid political regime (dictablanda), functioning without any distinct regulatory grounds.

Key words: Civil war, Komuch, political regime, city government, government and society.

Citation. Rynkov V.M. *Samarskaia gorodskaia дума vs Tsentral'nyi sovet kvartalov: shtrikhi k kharakteristike politicheskogo rezhima Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniia* [Samara Town Council vs Central council of residential quarters: the finishing touches to the feature of political regime of Constituent Assembly committee member]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49>.

Acknowledgements. The research is carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the scope of the scientific project № 18-09-00580.

Введение

Прошло столетие со времени существования Комитета членов Учредительного собрания, но до сих пор не утихают дискуссии о сущности проводимой им политики. Была ли это на самом деле «демократия»? Одни авторы отмечают серьезные недостатки и сбои в поволжской демократии, связывают их с региональным масштабом власти, сложнейшими условиями Гражданской войны, необходимостью действовать во враждебном не только внешнем, но и внутреннем окружении, отсутствии ресурсов, что в совокупности и обрекло ее на поражение. Как полагают другие, социалистические лидеры призваны были демократической риторикой навести бутафорию на изначально установившуюся диктатуру военных и реакционеров? Аргументы в дискуссии просты и сводятся к воспроизведению высказываний участников событий,

принадлежавших к противоборствовавшим лагерям, и выявлению сведений из источников, подкрепляющих одну из точек зрения. Конечно, и в рамках данной парадигмы накоплен значительный фактический материал, не позволяющий, однако, выйти из круга устоявшихся интерпретаций, замкнутых на политический дискурс современников Гражданской войны.

Необходимость выйти за пределы этого круга очевидна, и начать целесообразно с малого. Среди множества политических конфликтов в «комучевском» Поволжье один из заметных разыгрался летом 1918 г. между двумя активными политическими акторами – Самарской городской думой и Центральным советом кварталов г. Самары. Противостояние между ними нашло отражение во множестве источников и неоднократно упоминалось в исторических исследованиях.

Историография

Самое раннее по времени описание и оценка событий содержится в статье Ф.Я. Рабиновича, опубликованной «по свежим следам» и сводимой к трем тезисам. Во-первых, квартальные советы являлись организацией «солидных домовладельцев и лавочников». Во-вторых, именно для противостояния с Самарской городской думой, где господствовали эсеры, и был создан 17 июня 1918 г. Центральный совет кварталов. В-третьих, самарская буржуазия готовила «маленький государственный переворот», намереваясь «распустить Городскую Думу и вместо нее установить власть центрального совета кварталов». Для реализации своего плана буржуазия собиралась опираться на командиров чехословацкого корпуса. «Штука не удалась, центральный совет был в свою очередь разогнан» [Рабинович 1921, с. 22].

Иную версию излагает В.В. Гармиза. Он пишет, что при решении острого жилищного вопроса возник конфликт между «буржуазным союзом домовладельцев и центральным советом кварталов — мелкобуржуазной организацией¹, не получившей в [городской] думе ни одного места» [Гармиза 1970]. Дума встала на сторону домовладельцев и попыталась ликвидировать Центральный совет кварталов. Спор был вынесен на разрешение высшего органа власти. «Комуч в этом конфликте между домовладельцами, за которыми стояла городская управа, и центральным советом кварталов поддержал первых, то есть буржуазию». По мнению советского историка, данный эпизод «...дает наглядное представление о том, как отвоёвывала буржуазия одну позицию за другой» [Гармиза 1970, с. 164].

Примечательно, что, совершенно по-разному представляя социальную природу и политические позиции сторон конфликта, оба автора пришли к сходным выводам об идейно-политической сущности и эволюции власти Комуча. Неудивительно, что последующие исследователи совершенно путаются в происходящем, больше доверяя предшественникам, нежели фрагментарно вводимым в научный оборот источникам. В.А. Лапандин повторяет тезис Ф.Я. Рабиновича о маленьком государственным перевороте, якобы подготовленном Центральным советом кварталов, но вместе с тем изображает дело так, словно конфликт шел между Комучем, защищавшим основные положения советского жилищного законодательства, и квартальными организациями, настаивавшими на их отмене. В его монографии появляется и важная новая деталь: «...требование отмены даже части декретов Советской власти со стороны домовладельцев, усугубляемое требованием роспуска Городской думы, было расценено лидерами Комуча как посягательство на их власть и завершилось роспуском самого Центрального Совета кварталов 27 июля 1918 г.» [Лапандин 2003, с. 122]².

Рождение квартальных организаций

Прежде чем перейти к исследованию, необходимо пояснить, что такое квартальные организации. Обострение продовольственного кризиса в

городах в 1916–1917 гг. заставило городские власти ввести нормированное распределение особо дефицитных продуктов, потребовало точного учета и организации населения. Первоначально сами городские службы пытались проводить регистрацию потребителей, без чего оказалось невозможно разработать внутригородскую логистику распределения товаров по торговым точкам, установить нормы потребления, спланировать объем необходимых городам запасов. Но довольно быстро выяснилось, что централизованный учет не дает нужного результата. Совершенно неожиданно для городских властей потребителей оказывалось значительно больше, чем устанавливалось расчетной численностью населения. Даже введение продовольственных карточек не спасало от неконтролируемого появления дополнительных контингентов получателей дефицитных потребительских товаров. Чтобы минимизировать перебои в сфере нормированной торговли, городские власти инициировали поквартальную организацию горожан. В локальном сообществе, естественно, проще разделить коренных жителей, имеющих право на нормированные товары, от посторонних, что делало такую самоорганизацию населения более эффективным инструментом контроля.

В связи с резко обострившейся криминогенной обстановкой во второй половине 1917 — начале 1918 г. в городах потребовалось ввести ночные дежурства жильцов, позволявшие предохранить от грабителей и погромщиков. В случае тревоги такие сторожа могли поднять соседей и привлечь милицию для отпора незванным ночным гостям. Поквартальное деление городов также использовали для организации самообороны города.

Квартальные объединения оказались удобны и полифункциональны. Жители самостоятельно выбирали квартального старосту/уполномоченного или совет квартала, которые в случае неудовлетворительной работы могли быть легко переизбраны. Объем полномочий советов кварталов в разных городах варьировался. Чаще всего на них возлагали обязанность выдавать продовольственные карточки (книжки) или удостоверение на право получения в городской управе, ведение очной охраны улиц. Порой квартальные организации имели более широкие полномочия в продовольственном вопросе, вплоть до организации городских лавок и установления удобного порядка распределения товаров. Во многих населенных пунктах квартальные организации отвечали за поддержание правопорядка, сбор информации о свободных жилых и торговых помещениях и даже участвовали в их первичном перераспределении.

На заре советской эпохи квартальные организации действовали во многих городах России либо как подразделения городских продовольственных комитетов, либо как самостоятельные институты. Порой, заимствуя опыт соседей, городские власти спешно насаждали их, чтобы переложить на горожан часть рутинной работы. Информация о квартальных организациях нередко публиковалась в прессе. Более чем странно, что исследователи проглядели проблему взаимодействия такой обществен-

ной самоорганизации горожан с городскими думами и нарождающимися советами.

В Поволжье к лету 1918 г. квартальные организации существовали и в крупных, и в небольших городах. Падение советской власти привело к тому, что им нередко приходилось принимать участие в создании переходных органов. Например, в Бугуруслане несколько дней не могли собрать достаточного для кворума числа городских гласных. Для принятия решений и придания им некоторой легитимности там действовала временная коллегия из наличного состава гласных, представителей от профсоюзов, политических партий и советов кварталов, причем последние имели половину всех мест (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3). С установлением власти Комуча в Казани комендант города предпочитал опираться на квартальные комитеты, а не на городскую думу [Новое Казанское слово. 13 авг.].

В Самаре история квартальных организаций восходит к лету 1917 г., когда по инициативе городской думы возникли так называемые попечительства. Город разбили на 170 участков, от одного до трех кварталов в каждом, во главе которых встали выборные попечители со штатом помощников. Попечительства решали разнообразные задачи по обеспечению продовольственной работы в своем районе, от учета населения и раздачи продовольственных карточек до контроля за соблюдением правил торговли [Голубинов 2009, с. 182], а также занимались организацией самообороны [Городской вестник. 1918. 18 июня]. Но их роль сводилась к вспомогательной, круг полномочий определялся городской думой.

После утверждения советской власти в кардинально изменившейся обстановке квартальным организациям суждено было сыграть самостоятельную роль. Когда действия городской думы оказались парализованы, а за снабжение города взялся совет, колоссальные перебои со снабжением нормированными продуктами привели к появлению очередей. Мерзлы в них зимой 1917/1918 г. преимущественно женщины и подростки. Тогда квартальные комитеты взялись контролировать запасы продовольствия в городских лавках, организовали очередность получения товаров. Жилищный отдел городского совета развернул бессистемные реквизиции помещений, а советское законодательство и практика поощряли стихийные захваты домов и квартир под жилье и общественные нужды, прекращение уплаты владельцам арендной платы. Квартальные комитеты пытались урегулировать конфликты между владельцами домов и квартир и нанимателями жилья.

Попытка комплексно отстаивать интересы жителей города привела к конфликту с городским советом. Продотдел совета оказался не в состоянии обеспечить город потребным количеством зерна и муки. И это в Самаре, крупнейшем в Поволжье центре хлеботорговли и мукомолья! Квартальные комитеты настаивали на необходимости разрешить свободный ввоз хлеба в Самару по рыночным ценам как единственном способе преодолеть продовольственный кризис. Для консолидации своих

позиций в противодействии советским экспериментам в хозяйственной жизни и была создана объединяющая кварталы структура – Центральный совет кварталов [Городской вестник. 1918. 19 июня]. Результата достичь конечно, не удалось – соломой обуха не перешибешь.

Когда в городе была низвергнута советская власть, образовавшийся Комитет членов Учредительного собрания сразу взял курс на восстановление полномочий органов местного самоуправления в дооктябрьском виде. Но Самарскому городскому общественному самоуправлению оказалось недостаточно просто возобновить заседания коллегиального распорядительного органа – Думы. Требовалось время для восстановления функционирования отделов управы, получения дел от соответствующих подразделений совета. Неудивительно, что квартальные советы, не прекращавшие, а, напротив, активизировавшие свою работу весной 1918 г., оказались структурой, полностью готовой к выполнению дополнительных функций. Президиум Центрального совета кварталов провел экстренное заседание 8 июня 1918 г. – в первый же день после свержения советской власти в городе [Санникова 2017, с. 289]. Квартальные советы имели сведения о проживающих в кварталах лицах, их жилищном положении, правах на получение продовольствия, установили тесные контакты с милицией. Поэтому они явочным порядком взяли на себя управление продовольственной и жилищной сферами, а также часть правоохранных функций.

К лету 1918 г. структура квартальной организации претерпела перемены. В Самаре имелось 234 совета квартала. Естественно, не все они функционировали с одинаковой активностью. Некоторые числились только на бумаге. Существовали отдельные квартальные организации, выполнявшие роль актива, авангарда и выступившие инициаторами создания объединяющей структуры. Близкие кварталы объединялись в районные советы, выбиравшие Центральный совет кварталов. Его председателем стал самарский предприниматель Н.О. Берг. Он не только сплотил вокруг себя группу единомышленников, но и после антибольшевистского выступления быстро окунулся в водоворот большой политики, завязав контакты с гражданскими и военными руководителями, что помогло удерживать некоторое время квартальные организации в когорте влиятельных участников политического процесса.

При этом деятельность советов кварталов не просто активизировалась, она стремительно бюрократизировалась. В отличие от советского периода, теперь они стали частью публичной политики и имели все основания быть признаны в качестве публичной организации жителей. Сообщения о деятельности советов кварталов и их Центрального совета публиковались в газетах, а сама их деятельность стала документироваться. Центральный совет кварталов теперь выпускал обязательные постановления для нижестоящих районных и квартальных советов. Всякие сношения советов кварталов и внешних учреждений и организаций должны были проходить только через Центральный совет.

На протяжении июня-июля 1918 г. многие советы проводили периодические заседания. Главным вопросом оставался продовольственный. Советы определяли нормы распределения товаров, устанавливали цены розничной продажи исходя из себестоимости, решали вопросы оборудования торговых мест, очередности продажи товаров с целью минимизации очередей. Появились и новые функции. По договоренности с городской милицией советы кварталов взялись за составление списков граждан, имеющих право носить оружие, удостоверяя благонадежность включенных в списки лиц. Квартальные организации подняли вопрос об очистке города от нечистот. Они же занимались регулированием квартирного вопроса.

От сотрудничества к противостоянию

Неудивительно, что гласные городской думы согласились временно передать функции квартирного и санитарного отделов управы Центральному совету кварталов. 17 июня 1918 г. городская дума утвердила Временную инструкцию квартальным, районным и Центральному совету кварталов г. Самары (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 18. Л. 35–42). В соответствии с ней Центральный совет должен был иметь секции: жилищную, санитарную, продовольственную, самоохранный, культурно-просветительскую и другие, ревизионную комиссию или общественной контроль. Средства организации могли складываться из пожертвований и прибылей от ведения операций. Тем не менее на том же заседании городская дума выделила Центральному совету 120 тыс. руб. в качестве компенсации за временное ведение городских дел [Городской вестник. 1918. 6 июля. Волжский день. 1918. 21(8) июня].

После получения финансирования от города Центральный совет кварталов утвердил оклады служащим. К тому времени общегородская квартальная организация укреплялась, усиливались ее политические позиции. Что касается структуры, в ней действительно выделились упомянутые в инструкции секции и Президиум. Во многих советах прошли перевыборы, были избраны советы из 3–7 человек, каждый из которых стал получать заработную плату. Избранные квартальные служащие, получив оклады и назначения, превращались в должностных лиц, функционеров [Городской вестник. 1918. 18 июня]. 30 июня 1918 г. на общем собрании советов кварталов выступали члены Комуча Б.К. Фортунатов, И.М. Брушвит, Н.А. Галкин, агитируя вступать в Народную армию. Ораторы явно полагали, что именно квартальные организации, как самые близкие к населению, лучше всего приспособлены для решения мобилизационных задач [Волжский день. 1918. 2 июля]³. Еще с тех времен, когда «кварталы» ратовали за свободу хлебной торговли, у них установились хорошие отношения с деловыми кругами Самары. Поэтому Финансовый совет решил использовать именно квартальные организации для проведения восьмимиллионного городского займа [ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.]. 3 июля Президиум Центрального совета кварталов разработал инструкцию о проведении

городского займа, ориентируясь на массовое привлечение небольших свободных сумм у средних слоев города [Самарские ведомости. 1918. 3 июля].

К этому времени тон публичных заявлений руководства квартальных организаций стал настораживающе меняться. 17 июня Центральный совет кварталов известил горожан, что всякое распределение свободных помещений может происходить только по его распоряжению. Постановление Временного правительства от 5 августа 1917 г. «Об установлении предельных цен на жилые и иные помещения» и цены, установленные бывшим жилищным комиссариатом 21 апреля 1918 г., сохраняли силу. Отныне владельцам вменялось в обязанность регистрировать помещения в своих квартальных организациях, которые ежедневно должны были подавать списки в Центральный совет кварталов [Самарские ведомости. 1918. 19 июня; Вестник Комуча. 1918. 12 июля]. 19 июня 1918 г. газета «Городской вестник» опубликовала обращение Центрального совета кварталов с призывом произвести очередную реорганизацию продовольственного дела. Инициаторы обращения настаивали на том, чтобы половина мест в городском продовольственном отделе была предоставлена Центральному совету как единственному органу, правомочному распределять продовольственные запасы среди населения Самары. Приглашение на заседание городской продовольственной комиссии представителей кварталов лишь с совещательным голосом вызвало плохо скрываемое негодование [Вестник Комуча. 1918. 19 июля]⁴. Затем на страницах газеты появилось объявление Совета кварталов о повышении цены печеного хлеба в связи с ростом его себестоимости [Городской вестник. 1918. 18, 28 июня]. 25 июня 1918 г. он обязал домовладельцев в обозначенные Советом квартала сроки произвести очистку дворов и прилегающих к домам улиц, заборов, грозя уклоняющимся наложением штрафов через милицию (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 33). В тот же день было принято решение о распределении керосина через советы кварталов по норме 8 ф. на человека (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 68).

Президиум слишком явно претендовал на право принимать окончательные решения вместо городской думы либо в крайнем случае определять ее решения в тех сферах, на которые распространялась его деятельность. Несогласие с позицией Центрального совета кварталов наталкивалось на яростную критику и расценивалось как игнорирование самой демократической организации города. Резкое неприятие действий городской думы вызвало, например, распределение ею некоторых товаров через кооператив «Самопомощь», тогда как Центральный совет считал правильным отдать все товарные запасы в его распоряжение. Он выступил за полное отстранение городских кооперативов от дел с передачей всех их лавок в единую сеть, подконтрольную советам кварталов. Только так можно унифицировать распределение, на чем настаивали квартальные организации [Городской вестник. 1918. 19 июня].

Необычайную активность проявил Центросовет в квартирном вопросе. 13 июня 1918 г. Н.О. Берг сделал доклад на заседании Центрального совета кварталов, в котором признал действующее законодательство неудовлетворительным и призвал Комуч подготовить обязательное постановление. До тех пор пока оно не принято, считал Н.О. Берг, квартальные советы должны оставить за собой регулирование всех жилищных конфликтов и собрать материал для подготовки новой нормативной базы (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 13). Через несколько дней после этого выступления газеты опубликовали объявление Центрального совета кварталов, извещавшее горожан о прекращении действия всех мандатов на занятие помещений, выданных советскими органами и оставшихся неиспользованными, и напоминая, что до урегулирования жилищного вопроса городской думой занятие помещений в городе осуществляется только по распоряжению Совета кварталов [Городской вестник. 1918. 26 июня]. Таким образом, Центральный совет кварталов предreshал порядок регулирования жилищных отношений до консультаций с городскими властями, которые начались только 26 июня. В этот день Н.О. Берг выступил с докладом на заседании Думы. Председатель Центрального совета кварталов обрушился с критикой на квартировладельцев за попытки вздутия цен в такой сложный политический момент (большой урожай и столичные функции привлекли в Самару множество людей). Он обещал жестко бороться с выселением и сокрытием помещения от учета, одновременно предлагая наладить и своевременную оплату проживания [Городской вестник. 1918. 29, 30 июня].

На самом деле это было не первое и не последнее обсуждение в городской думе жилищной политики. Когда 5 июля вновь вернулись к той же проблеме, квартирнаниматели предложили сохранить городской жилищный отдел и 5 примирительных жилищных камер, а руководство Центрального совета кварталов выдвинуло альтернативную идею – жилищные споры разрешать в квартальных советах, а в качестве апелляционной инстанции учредить районные квартальные бюро (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 7. Л. 28–32). После нескольких заседаний гласные признали вмешательство общественных организаций некомпетентным и нежелательным, предлагая скорейшее изъятие всех прав регулирования у квартальных советов. 13 июля они постановили отозвать у Совета кварталов право решения квартирного вопроса, вернув его Городской управе [Волжский день. 1918. 24 июля].

Дело не в одной только нарушенной субординации. Городская дума стала ареной для столкновения домо- и квартировладельцев, квартирнанимателей и Центрального совета кварталов. Домовладельческая организация оживилась и консолидировалась после установления Центральным советом кварталов контроля за движением помещений в городе. Они открыто возмутились вмешательством в отношения с квартирантами посторонней организации, не наделенной формально ника-

кими полномочиями [Городской вестник. 1918. 26, 29, 30 июня, 5, 6, 7 июля]. Как они полагали, квартальные организации консервировали бесправное положение собственников и разоряли их фиксированными ценами на жилье и запретом выселять неплательщиков [Волжский день. 1918. 5 июля]. Дума избрала жилищную комиссию для выработки нормативных решений. На первое же ее заседание 16 июля 1918 г. явились представители Центрального совета кварталов, чье участие не предполагалось, и попытались задавать тон обсуждению [Городской вестник. 1918. 19 июля]. Материалы, представленные в комиссию домовладельцами, убедительно показывали, что «замороженная» квартирная плата, даже если предпринять усилия по ее строжайшему взысканию, совершенно не покрывала расходов на коммунальные платежи.

4 июля на заседании Центрального совета Н.О. Берг предложил от имени квартальной организации обратиться через голову городского самоуправления непосредственно к Совету управляющих ведомствами Комуча с предложениями по выработке жилищной политики (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. 61–62). Наконец, Центральный совет принял решение о введении налога на поддержание трамвайного парка и предложил городской думе этот налог оплатить поквартально (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 67).

Вполне понятно, что Городская управа постаралась избавиться от такого назойливого вспомогательного учреждения, со второй половины июля открыла кампанию по дискредитации Совета кварталов. Оснований для критики нашлось более чем достаточно. За время, пока кварталы распоряжались в жилищной сфере, поступило 2012 требований на помещения, удовлетворено 247 [Вестник Комуча. 1918. 28 июля]. При этом помещения, занятые советскими жилищными службами, квартальные советы оставили за собой, не произведя оплаты. При принятии дел Городским квартирным отделом выяснилось, что, несмотря на публичные призывы к строгой отчетности, некоторые советы кварталов заводили собственные жилищные отделы, члены которых свободно распоряжались квартирами, ни перед кем не отчитываясь [Вестник Комуча. 1918. 2 августа]. Центральный совет кварталов давно превышал обозначенные во Временной инструкции от 17 июля 1918 г. полномочия, вмешивался в различные вопросы, пытаясь принимать общеобязательные решения. Все, что он делал, подавалось с большой помпой, но результативностью не отличалось. Газеты периодически публиковали сведения о ходе проводимого кварталами восьмимиллионного городского займа, что оставляло впечатление работы на общее благо. Правда, к 9 июля удалось реализовать только 21 тыс. руб. [Вестник Комуча. 1918. 11 июля].

В конце июля газета «Городской вестник» опубликовала статью Георгия Сарова, который оценивал деятельность Совета кварталов как правовой абсурд. Добровольная организация, созданная для самообороны города, вдруг стала принимать на себя функции, с одной стороны, кооперативов, зани-

маясь распределением потребительских товаров, с другой — муниципалитета, отдавая распоряжения по ряду вопросов, относящихся в ведению городского самоуправления. «Квартальные советы становились теми ямами, куда стекали помои, выплеснутые революцией», — делал автор броский вывод [Городской вестник. 1918. 25 июля].

Руководство Центрального совета кварталов готовилось к противостоянию с городской думой. 20 июля 1918 г. они посетили Совет управляющих ведомствами Комуча, заявив, что либо городская дума должна наделить их реальными полномочиями для выполнения всех взятых на себя обязательств, либо они полностью слагают с себя все полномочия, но тогда город останется без самоорганизации населения, рухнут многие правительственные начинания, осуществлявшиеся через квартальные организации. После этого городской голова распорядился служащим игнорировать всякие распоряжения Центрального совета кварталов как органа, не уполномоченного давать указания Городскому самоуправлению, а также потребовал освободить незаконно захваченные квартальными организациями городские и иные помещения. Все служащие советов кварталов получили предложение перейти на службу в Городскую управу и таким образом избежать увольнений. Но Центральный совет кварталов отказался сдавать дела городу и на заседании 24 июля 1918 г. решил обратиться за содействием к Штабу Народной армии [Городской вестник. 1918. 26 июля].

Через несколько дней городская дума получила от Совета управляющих ведомствами Комуча запрос о причинах упразднения квартальных организации и вынуждена была оправдываться за то, что попытались поставить их в нормативные рамки. В делопроизводстве Центрального совета кварталов отложился официальный ответ городской думы, направленный в Совет управляющих ведомствами 1 августа 1918 г. В нем уточнялось, что Центральный совет кварталов вовсе не упразднен. Просто по истечении переходного периода из его ведения изъяты жилищный и санитарный отделы, все дела публично-правового характера, а также предъявлено требование освободить помещение, которое раньше занимал советский жилищный комиссар. Очевидно, здание должно перейти в ведение управы (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 68). Пресса сообщала дополнительные подробности, утверждая, что Совет управляющих ведомствами Комуча вызвал председателя Самарской городской думы Л.В. Преображенского и вручил ему ультиматум о возвращении Центральному совету кварталов прежних полномочий. На что Л.В. Преображенский ответил, что полномочия вручались временно на переходный период и теперь, по завершении такового, бесповоротно отозваны [Городской вестник. 1918. 26 июля].

Но Центральный совет кварталов оказался «крепким орешком». К тому времени он получил от Штаба Народной армии полномочия вести своими силами набор добровольцев, а также взял подряд на пошив одежды для армии, под который Штаб

выделил материалы и аванс. Совет кварталов использовал оба обстоятельства как предлог не отдавать занятые помещения. Несмотря на плачевные результаты организации городского займа, само его проведение советами кварталов послужило аргументом в пользу того, что их притеснение неизбежно приведет к срыву важнейшего государственного финансового мероприятия [Волжский день. 1918. 4 авг.] (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 4. Л. 19). Но самое примечательное, что на фоне разразившегося противостояния городской думы и Центрального совета кварталов последний решил выдвинуть к предстоящим городским выборам собственный список кандидатов в гласные. Это вызвало яростную полемику вокруг вопроса о том, правомочна ли вспомогательная организация, созданная городской думой, претендовать на то, чтобы говорить от имени всех горожан, да еще и участвовать в городских выборах наравне с политическими партиями и общественными объединениями отдельных городских групп. Конфликт получил ярко выраженную идеологическую окраску, причем даже в социалистическом лагере не существовало единого мнения. Социал-демократическая газета заняла сторону Центрального совета кварталов, полагая, что самостоятельно городу не решить ни квартирный, ни продовольственный вопрос. Борьба с квартальными советами — все равно что подрубать сук, на котором сидишь [Заря Поволжья. 1918. 17 сент.]. Объяснение такой позиции дать несложно — Центральный совет кварталов защищал близкие социал-демократии позиции квартиросъемщика и потребителя. Эсеровская «Земля и воля» публиковала статьи против Совета кварталов, защищая Думу как законно избранный орган власти. Эсеровские авторы настаивали, что ничего общего с демократией эта организация не имеет. Советом учреждена громоздкая, ненужная для Самары трехступенчатая структура управления, а все, за что Центральный совет кварталов взялся, оказалось до предела бюрократизировано, но не получило удовлетворительного разрешения [Земля и воля. 1918. 2 авг.].

Наконец выступил с давно ожидавшимися пояснениями П.Д. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел Комуча. Он отметил большое положительное значение деятельности квартальной организации, но счел конфронтацию между Центральным советом кварталов и городской думой недопустимой: советы кварталов являются организациями несамостоятельными, вспомогательными для Думы, указаниям которой они и должны подчиняться.

В самой квартальной организации наступили к тому времени раскол и паралич. Часть актива поддержала Центральный совет кварталов в его стремлении сохранить самостоятельность. Некоторые квартальные советы встали на сторону городской думы, протестуя против попытки Центрального совета играть самостоятельную роль и уж тем более — участвовать в выборах. Но призыв 73-го квартала оформить протестные настроения в виде собрания и резолюции, позволявших говорить от имени

широких слоев горожан, реализовался не сразу в виде документа, подписанного советами 10 кварталов [Вестник Комуча. 1918. 3 авг.; Городской вестник, 7 авг.]. Список кандидатов от советов кварталов на городские выборы был подан. Из 40 тыс. горожан, пришедших на избирательные участки 19 августа 1918 г., за него было подано 223 голоса [Вестник Комуча. 1918. 21 авг.].

Документы Центрального совета кварталов содержат сведения о его деятельности на протяжении нескольких дней после выборов. Она сводилась к руководству пошивом одежды для армии, которую после потери здания пришлось осуществлять путем раздачи шитья на дом. Никакого роспуска квартального объединения Самары не произошло, но, лишенный средств, помещений и полномочий принимать общеобязательные решения, Центральный совет кварталов изжил себя как организация и стал ненужным. В сентябре 1918 г. никаких сведений о его существовании газеты и сохранившиеся документы уже не содержали.

Выводы

Очевидно, что ни одно из предложенных историками противоречивых описаний деятельности Центрального совета кварталов г. Самары и его конфликта с городской думой нельзя признать достоверным. Не соответствует действительности ни история создания этой организации, ни утверждения о его ликвидации вследствие якобы имевшей место неудачной попытки «маленького государственного переворота» с опорой на чехословацкий корпус. Конечно, как это обычно бывает, можно найти «отголоски» реальных событий. Ключевой, хотя и не единственной причиной конфликта действительно стала жилищная проблема, а в противостоянии городской думе Центральный совет кварталов пытался опереться на военных. Но во всем остальном, включая датировку событий, иначе как измышлениями имеющиеся в историографии сведения не назовешь. Данный пример не является исключением, а вполне адекватно отражает состояние историографии Комуча и не изжившей с советских времен традиции оперировать фрагментарной источниковой базой, непроверенными фактами, вольная интерпретация которых подтверждает любые готовые схемы исторического процесса.

Это только «побочный» вывод из проведенного исследования, первоначально не нацеленного на вскрытие историографических лакун. Следует признать, что собранных фактов недостаточно для полной реконструкции истории Центрального совета кварталов г. Самары. Выявленные архивные и опубликованные источники не позволяют точно установить время и обстоятельства его создания и прекращения деятельности. Но ряд деталей взаимоотношений квартальных организаций и городской думы, их идейно-политического контекста по-новому раскрывают сущность политического режима Комуча.

Революционные эксперименты посеяли хаос в политическом сознании россиян. В представлениях современников Гражданской войны сформировался концепт демократии как совокупности общественных институтов, в которых представлены интересы простых неимущих и малоимущих граждан. Участие имущего класса считалось несовместимым с демократией. Вопрос о процедурах формирования правильного представительства обществом совершенно игнорировался. При политической пассивности большинства населения любая небольшая хорошо организованная группа легко могла заявить себя поборником интересов широких слоев населения, олицетворением демократии. В этой ситуации опора на общественные организации, попытка учесть их интересы и взаимодействовать через них с разными группами населения заводила Комуч в тупик. Что если одна из таких общественных организаций стала бы претендовать на представление интересов всего населения или хотя бы его абсолютного большинства? Подобные претензии и попытка заявить Центральный совет кварталов.

Воссоздавая органы городского самоуправления, Комуч поддержал и Центральный совет кварталов, ставший фактически на время параллельной городской властью в Самаре, пытался через голову городской думы и управы взаимодействовать с самарцами через эту организацию. Естественно, это только еще сильнее дезориентировало горожан. Сам Комуч в этой ситуации предстает правительством, не способным установить правопорядок ввиду паралича политической воли и отсутствия даже элементарного понимания того, каким этот правопорядок должен быть.

Как в капле воды видишь отражение целого образа, так и в истории противостояния Самарской городской думы и Центрального совета кварталов отображены общие проблемы организации власти Комуча. Претензии общественных объединений, подчас самозванных и никем не уполномоченных, на участие в политической власти принимались правительством как допустимые. Взаимодействие правительства и общества сводилось к ситуативному лавированию между группами общественности с учетом их влияния и пользы для удержания политической власти. Действие уполномоченных и легитимных органов в этом случае периодически блокировалось, в том числе и самой высшей властью, а принятие политических решений ставилось в зависимость от сторонних, не всегда дружественных групп. Активно используя демократическую риторику, политический режим Комуча оставался далеким от правильной организации общественных интересов и не имел никаких шансов сформировать эффективное управление на подконтрольной территории. Он возник и функционировал как своеобразная диктабланда без каких-либо внятных нормативных оснований, но был подвержен дестабилизирующему влиянию конфликтующих общественных институтов.

Примечания

¹ Правда, чуть выше В.В. Гармиза признает, что совет кварталов представлял «интересы малоимущих квартирноанимателей, среди которых большинство составляли рабочие и низшие служащие» [Гармиза 1970, с. 163]. Такая сентенция едва ли позволяет охарактеризовать организацию как «мелкобуржуазную».

² Последнее по времени упоминание о конфликте содержится в книге Л.Г. Прайсмана. Вся информация автором почерпнута из упомянутой монографии В.А. Лапандина. Несколько дополнив собственными интерпретациями, он позаимствовал не только авторский текст предшественника, но и цитаты из источников вместе с научно-справочным аппаратом, в чем легко убедиться, сопоставив тексты двух авторов (См.: [Лапандин 2003, с. 121–122; Прайсман 2015, с. 299 – последний абзац; с. 300 – начало до сноски 41, с. 301 – последний абзац]).

³ По другим данным это заседание прошло 1 июля 1918 г. [Самарские ведомости. 1918. 2 июля].

⁴ Видимо, именно этот случай подразумевал В.В. Гармиза, так как Центральный совет кварталов никогда не требовал предоставить им места в Городской думе, занимаемые только в результате избрания.

Библиографический список

Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, 1918 (Вестник Комуца).

Волжский день. Самара, 1918.

Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств М., 1970. 294 с.

Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 236 с.

Городской вестник: ежедневная муниципальная газета. Самара, 1918.

Заря Поволжья: орган Самарского комитета РСДРП. Самара, 1918

Земля и воля: ежедневная газета социалистов-революционеров. Самара, 1918.

Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара, 2003. 212 с.

Новое казанское слово: Орган независимой прогрессивной мысли. Казань, 1918.

Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2015. 536 с.

Рабинович С.Я. Самарская буржуазия и комитет членов Учредительного собрания // Четыре месяца Самарской учредилки. Самара, 1921. С. 20–23.

Самарские ведомости: орган Самарского комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918.

Санникова Н.А. Документы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания

(источниковедческий обзор материалов фондов Центрального государственного архива Самарской области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 5. Самара, 2017. С. 279–300.

References

Vestnik Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditel'nogo sobraniia [Bulletin of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly]. Samara, 1918 (Vestnik Komucha) [in Russian].

Volzhskii den' [The Volga Day]. Samara, 1918 [in Russian].

Garmiza V.V. *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [Socialist-Revolutioner's governments wreckage]. M., 1970, 294 p. [in Russian].

Golubinov Ya.A. *Prodoval'stvennyi vopros v Srednem Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk*. [Food problem in the Middle Volga Region during World War I: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2009, 236 p. [in Russian].

Gorodskoi vestnik: ezhdnevnaia munitsipal'naia gazeta [City Messenger: Daily Municipal Newspaper]. Samara, 1918 [in Russian].

Zaria Povolzh'ia: Organ Samarskogo komiteta RSDRP [Dawn of the Volga Region: Organ of the Samara Committee of the RSDLP]. Samara, 1918 [In Russian].

Zemlia i volia: ezhdnevnaia gazeta sotsialistov-revoliutsionerov [Earth and Freedom: Daily Newspaper of Socialist-Revolutionaries]. Samara, 1918 [In Russian].

Лапандин В.А. *Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniia: struktura vlasti i politicheskaia deiatel'nost' (iun' 1918 – ianvar' 1919 g.)* [Constituent assembly member's committee: government structure and political activity (June 1918 – January 1919)]. Samara, 2003, 212 p. [in Russian].

Novoe kazanskoe slovo: Organ nezavisimoi progressivnoi mysli [New Kazan word: Organ of independent progressive thought]. Kazan, 1918 [In Russian].

Прайсман Л.Г. *Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokraticheskaia revoliutsiia 1918 goda na Volge* [Third way in the Civil War. Democratic revolution of 1918 in a Volga area]. SPb.: Izdatel'stvo im. N.I. Novikova, 2015, 536 p. [in Russian].

Рабинович С.Я. *Samarskaia burzhuaziia i komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniia* [Samara bourgeoisie and Constituent assembly member's committee]. In: *Chetyre mesiatsa Samarskoi uchredilki* [Four months of Samara constituent assembly]. Samara, 1921, pp. 20–23 [in Russian].

Samarskie vedomosti: Organ Samarskogo komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniia [Samara Gazette: Body of the Samara Committee of Members of the Constituent Assembly]. Samara, 1918 [in Russian].

Санникова Н.А. *Dokumenty Komiteta chlenov Vserossiiskogo uchreditel'nogo sobraniia (istochnikovedcheskii obzor materialov fondov Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Samarskoi oblasti)* [All-Russian constituent assembly member's committee documents (Central State Archive of the Samara Region fonds source review)]. In: *XX vek i Rossiia: obshchestvo, reformy, revoliutsii. Vyp. 5* [XX century and Russia: society, reforms, revolutions. Issue 5]. Samara, 2017, pp. 279–300 [in Russian].